

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СУФФИКСА -АРЬ И ПУТЯХ ЕГО ПРОНИКНОВЕНИЯ В ПРАСЛАВЯНСКИЙ И ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫКИ

Рассмотрение проблемы возникновения отдельного элемента деривативного процесса имеет важное значение для изучения исторического словообразования того или иного языка. Оно дает исследователю возможность на языковом массиве проследить появление и развитие целых групп и категорий отдельных лексических единиц, что является весьма существенным в выяснении общих направлений, тенденций и закономерностей развития словообразовательной системы языка в целом.

По вопросу возникновения суффиксальной морфемы *-арь* в славянской компаративистике нет единого мнения. Суть всех научных рассуждений по этому поводу можно свести к следующим двум основным концепциям.

Так, Ф. Миклошичем была высказана мысль о заимствовании славянами *-arius* из латинского языка через германское посредство в древнейший период их языкового развития¹. Эта точка зрения была поддержана видным французским славистом А. Мейе, который также полагал, что *-аръ* — «это лат. *-arius*, распространившееся благодаря заимствованию слов, обозначающих профессию, в греческом, кельтских и, через посредство славянских, в литовском языке»². Это положение присутствует и в его работе «*Études sur l'étymologie le vocabulaire Secondaire Partie*» (Paris, 1905), где автор непосредственно указывает на те исторические условия, при которых германцами был заимствован элемент деривативного процесса *-арь*.

Как указывает А. Мейе, Римская империя в период заимствования германскими народами лат. *-arius* пребывала в состоянии расцвета культурно-исторической жизни. Только при высоком

¹ F. Miklosich. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, S. 88.

² См. А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 298.

уровне цивилизации было возможно появление различных профессий. Именно такое состояние было достигнуто Римской империей, которая обеспечила остальную Европу наименованиями ремесел и ремесленников, вслед за распространением которых была распространена и суффиксальная морфема *-arv*³.

Как несомненное заимствование латинской модели имен на *-agius* германскими языками рассматривает германское *-agi* и Е. С. Кубрякова (вслед за Ф. Клюге, Х. Фальком), для которой «герм. *-agi* — это один из наиболее важных суффиксов для образования названий профессий, занятий, имен действующего лица вообще»⁴. Причем, как указывает Е. С. Кубрякова, лат. *-agius* в германских языках в древнейший период их языкового развития представлен довольно значительным числом примеров (как несомненных заимствований с латинского, так и собственно германских образований). Но особенно продуктивным он являлся в древневерхне-немецком языке⁵.

Общезвестно, что итогом историко-культурных общений одного народа с другим всегда является лексическое взаимодействие языков. Славяне издавна находились в тесных взаимоотношениях с германскими народами. Концепция славяно-германского лексического взаимодействия древнейшей поры рассматривается, например, в работах А. М. Селищева, Ф. П. Филина, В. В. Мартынова, А. Н. Савченко⁶ и ряда других исследователей.

Исходя из того, что «прагерманский к тому времени (начало н. э. — Р. Ж.) распался на множество диалектов и распространился на большей территории, праславянский сохранил свое единство и в более позднее время»⁷, можно предположить, что суффикс *-arv* был заимствован древними славянами у одного из диалектов германских языков, а именно того, который лег в основу др. верх. нем. языка, где лат. *-agius* (гот. *-ageis*) дал фонетический рефлекс *-agi*. Это предположение, возможно, и является достоверным в силу фонетической близости др. верх. нем. *-agi* и слав. *-agъjъ*, который был заимствован в праславянский период языкового развития устным путем, т. е. с голоса. Но все эти рассуждения носят гипотетический характер, так как весьма трудно с абсолютной достоверностью говорить о такой древнейшей эпохе, какой является эпоха праславян-

³ А. Meillet. *Etudes.*, p. 212.

⁴ Е. С. Кубрякова. Именное словообразование в германских языках. В кн.: «Сравнительная грамматика германских языков. Морфология», т. III. М., 1963, стр. 84.

⁵ См. там же.

⁶ См. А. М. Селищев. Славянское языкознание. Западно-славянские языки, т. I. М., 1941, стр. 20; Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 138—139; В. В. Мартынов. О надежности примеров славяно-германского лексического взаимопроникновения. В кн.: «Типология и взаимодействие славянских и германских языков». Минск, 1969, стр. 98; А. Н. Савченко. О генетической связи праславянского с прагерманским. В кн.: «Типология и взаимодействие славянских и германских языков», стр. 138 и далее.

⁷ См. В. В. Мартынов. Ук. работа, стр. 101.

ской языковой общности. Для нас несомненно одно, что «-arji est representant slave du suffixe latin-arius»⁸, проникший через германское посредство.

Лингвистическим основанием для такого утверждения является тот факт, что некоторые слова показывают, на какой почве в славянских языках мог развиваться аффикс *-arь*. Ср. мытарь «сборщик податей», боукарь «писец, грамматик» вместе с мыто «подать», боуки «буква» являются прямыми лексическими заимствованиями из германских языков, где гот. *motareis*, *bokareis* (др. верх. нем. *mutari*, *buohhari*)⁹. В связи с этим исключительно важным представляется положение о том, что «словообразовательные аффиксы как таковые не заимствуются. Перенимаются слова, содержащие эти морфемы. Выделение того или иного словообразовательного элемента происходит уже потом, когда образуется хотя бы небольшая группа одноструктурных слов, пришедших в русский язык вместе с родственными словами»¹⁰.

Заимствуя первые иноязычные лексемы мытарь, боукарь, славяне подражали «моделям, усвоенным... из чужих языковых актов»¹¹, и согласно фонетической системе своего родного языка передавали их как номинативные единицы с суффиксом *-arь*. Вместе с проникновением этих слов, как было уже отмечено, были заимствованы и их образующие основы мыто, боуки (ср. гот. *motā* «налог», др. верх. нем. *muða*; гот. *voka* «буква», др. верх. нем. *buoh* «книга»). Это обстоятельство начинает способствовать созданию той почвы, на которой в период языковой и этнической общности славян выделяется морфема *-arь* уже как самостоятельный элемент деривативного процесса, способный создавать исконно славянские лексические образования.

К словам, возникшим при помощи элемента деривативного процесса *-arь* в праславянский период развития, относится лекарь «врач», созданное на базе корневой морфемы *лѣкъ* «зеленое, травы», носящей индоевропейский характер. Ср. гот. *lēkeis* «врач», *lēkinon* «лечить»; др. сев. герм. *laeker* «врач»; англо-сакс. *læce* «врач»; ст. слав. *лѣкарь*, *лѣкъ* «лекарство»; др. рус. *лѣкарь*, *лѣковати*; рус. обл. *лека*, *леко* «лечение»; пол. *lekarz* «врач»; чеш.-слов. *lekař*; болг. *лекар*, *лекарка* «лекарка», *лекарски* «лекарственный», *lek* «лекарство»; срб.-хрв. *лекар* «врач», *лек* «лекарство»; макед. *лекар*, *лекарство*, *лекарски*, *лек* «лекарство» и др.

Праславянским по времени своего возникновения является и *господарь* «хозяин, собственник, господин», созданное на базе словообразующей основы *господь* в том же значении. Ср. ст. слав. *господарь* «хозяин, господин»; др. рус. *господарь* «владелец, собственник»; польск. *gospodarz* «хозяин дома, господин, правитель»,

⁸ A. Meillet. Op. cit.

⁹ См. А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 299.

¹⁰ Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию ч лексикологии. М., 1959, стр. 199.

¹¹ В. Пизани. Этимология. М., 1956, стр. 46.

чеш.-слов. *hospodar* «хозяин»; болг. *господар* «хозяин, владелец собственности», *господарка*, *господарски* «господарский»; срб.-хрв. *господар*; слов. *hospodar* «собственник»; макед. *господар*.

А. М. Селищев указывает, что хозяйственной единицей славян дописьменного периода их развития являлась большая патриархальная семья во главе с домовладыкой, который назывался *волдыка*, *голова*, *господь*¹². Кроме того, на праславянский характер словообразовательных отношений в деривате *господарь* указывает и фонетическая сторона. Как отмечает П. С. Кузнецов, в древности в славянских языках не было *d'*. Находясь в слове «господь» в положении перед гласным переднего ряда *ь*, как и все согласные в этих случаях, исключая заднеязычные, оно лишь незначительно смягчалось до полумягкого *d*¹³, чем и объясняется фонетический вариант *-арь* вместо *-ар*. Ср. *кухарь*, *картотекарь*, *пушкарь*, *псарь*, *но гончар*, *бочар* и др.

К праславянским лексическим диалектизмам относятся и *гончар* «горшечник»¹⁴, *кухарь* «повар», обнаруживающие древние лексические параллели по всем славянским наречиям.

Все эти реконструируемые слова составляют принадлежность праславянского лексического среза и созданы на базе древнейшего корнеслова, носящего индоевропейский характер, при помощи суффиксальной морфемы *-арь*. В лингвогеографическом отношении они обнаруживают семантическое единство, или «семантическую комплектность» (термин О. Н. Трубачева), на всей славянской территории¹⁵.

Как показывает приведенный материал, древними славянами вместе с деривативной частью *-арь* была усвоена и ее яркая агентивная семантика. Иными словами, уже в дописьменный период исторического развития славянских языков произошла лексикализация элемента деривативного процесса *-арь*, при помощи которого стали создаваться наименования лиц по роду их деятельности, профессиональным занятиям.

Вторым важным моментом, способствовавшим быстрее ассимиляции суффикса *-арь* в праславянском языке-основе, на наш взгляд, является тот факт, что это словообразовательное средство было усвоено не через переводную литературу, а устным путем.

¹² См. А. М. Селищев. Ук. соч., стр. 11—12.

¹³ См. П. С. Кузнецов. Примечание к § 482 в кн.: А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 466.

¹⁴ Б. А. Рыбаков в своем интересном монографическом исследовании «Ремесло Древней Руси» (М., 1948, стр. 73) указывает, что этот вид ремесла был известен славянам с V в. н. э.

¹⁵ Восстановление праславянского лексического среза является весьма сложным делом, а иногда носит и гипотетический характер. В данной статье необходимость такого восстановления продиктована тем, что «принципиально важным понятием для реконструкции праславянского лексического состава является воспроизводство словообразовательной модели (см. О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963, стр. 17).

Это обстоятельство вполне могло послужить более интенсивному распространению *-ary* на всей славянской территории.

Точку зрения Ф. Миклошича, А. Мейе по вопросу происхождения словообразовательного аффикса *-ary* в научной литературе по славяно-германской филологии разделяют такие исследователи, как, например, Л. Зюттерлих, А. Лескин, Е. А. Захаревич¹⁶ и многие другие.

Что касается следующей концепции по вопросу этимологии суффикса *-ary*, то она заключается в следующем.

Представители этой концепции (К. Бругманн, И. И. Ковалик¹⁷) утверждают, что в славянских языках важно различать две неодинаковые в генетическом отношении суффиксальные морфемы: *-agъ*, являющейся рефлексом индоевропейского *-ago*, истоки возникновения которого остаются неясными, и *-agъjъ* < лат. *-agius*. Иными словами, различное оформление одного и того же аффикса возводится к различным по генезису источникам.

Эта позиция нам не представляется бесспорной.

В научной традиции уже отмечалось, что суффикс *-ary* с точки зрения своей продуктивности по всем славянским языкам распределяется неодинаково, что объясняется специфическими условиями развития каждого из славянских народов¹⁸. Фонетический рефлекс словообразовательной морфемы *-ary* также различный.

В силу чисто фонетических причин диалекты праславянского языка-основы пережили отверждение звука [r]. П. С. Кузнецов указывает, например, на то обстоятельство, что «старое мягкое r', которое, по-видимому, было свойственно всем славянским языкам, во многих славянских наречиях рано переживает процесс отверждения. Так, в сербском языке старое мягкое l и теперь сохраняет мягкость, r' же рано отвердело»¹⁹.

Остановимся конкретнее на судьбе звука r в языках славянской группы.

В польском языке r' упростилось в z, обозначаемое по старому произношению rz, так как в древнепольском языке в конце XII—XIII столетия «произношение непереходно-мягких r', t', d' сделалось неудобным для польского органа, и они заменились слитными

¹⁶ L. Sütterlin. *Gesichte der nomina agentis in germanischen Sprachen*. Strassburg, 1877, SS. 77—105; А. Лескин. *Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка*. Казань, 1915, стр. 121; Е. А. Захаревич. *Производные основы со значением лица в современном болгарском литературном языке*. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», 1959, т. XVII.

¹⁷ K. Brugmann. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg, B. I, § 259; И. И. Ковалик. *Питання слов'янського іменникового словотвору*. Львів, 1958, стр. 50.

¹⁸ Так, М. А. Михайлов указывает, например, что большое влияние на распространность *-ag* в серболужицком языке оказало влияние немецкого языка. См. М. А. Михайлов. *Суффиксы имен действующего лица в серболужицком языке*. «Уч. зап. Ин-та славяноведения», 1959, т. XVII, стр. 173.

¹⁹ См. примечание П. С. Кузнецова к § 88 в кн.: А. Мейе. *Общеславянский язык*, стр. 430.

звуками: ř, сочетаниями řs, или řz ...»²⁰. Например: piekarz, pisarz, sklarcz, malarz, lichwiarz, perukarz и многие другие.

В чешском языке прасл. -arjъ имеет вид ř, т. е. является твердым звуком: dřevař, vinař, vladař и многие другие.

То же и в серболужицком языке, в котором, как полагает М. А. Михайлов, согласный г суффиксальной морфемы -ar раньше был мягким²¹.

Что касается восточнославянской семьи языков, и в частности русского, то здесь надо отметить следующее.

Как показывает собранный лексический материал, в агентивно-профессиональных названиях на -arь в основном представлено старое мягкое р', свойственное некогда всем славянским наречиям. Например: бедарь, звонарь, бахарь, дахарь, взяхарь, жихарь, знахарь, бунтарь, нуждарь, чеботарь, писарь, пекарь, токарь, господарь, говедарь, бондарь, вратарь, картотекарь, технарь и многие другие. И лишь сравнительно небольшое число номинаций имеет на конце р твердое: гончар, овчар, кочегар²², дефектар, котляр, бочар, стекляр, пихар и некоторые другие. А. Мейе справедливо указывал, что «русский язык является единственным диалектом, где ясно представлено старое различие *r^ь и *r^б»²³.

В белорусском языке, по свидетельству Е. Ф. Карского, р' в аффиксальной части -arь встречается лишь в старинных белорусских памятниках и некоторых говорах²⁴. В украинском языке после выделения его из восточнославянской семьи языков также произошло отвердение конечного звука р в суффиксе -arь. Например: писар, плотар, льонар, ливар, кожухар, книгар, казкар, играшкар, дудар и др. Но все же в принципе восточнославянский язык до разделения его на украинское и белорусское наречия являлся «мягкоэрым» (термин Е. Ф. Карского).

Из изложенного выше следует вывод, который мы принимаем вслед за Е. Ф. Карским, о том, что «диалектически (т. е. по диалектам. — Р. Ж.) нерасположенность к мягкому р уже была заложена в основном славянском языке и что одна часть русских племен пережила твердость р еще в общеславянскую эпоху вместе с некоторыми югославянскими диалектами»²⁵.

Рассмотрение твердого и мягкого фонетического проявлений суффиксальной морфемы -arь как двух различных по генезису аффиксов не является, по нашему мнению, достоверным и в силу следующих соображений.

²⁰ См. И. А. Бодуэн де Куртене. О древнепольском языке до XIV столетия. Лейпциг, 1870, стр. 53.

²¹ См. М. А. Михайлов. Ук. соч., стр. 134.

²² Судя по Картотеке диалектного словаря (г. Ленинград) в пермских говорах отмечается и форма *кочегарь*.

²³ См. А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 28.

²⁴ См. Е. Ф. Карский. Белорусы, вып. II, М., 1956, стр. 25.

²⁵ См. Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского племени. Исторический очерк звуков белорусского наречия, т. II. Варшава, 1908, стр. 381.

Во-первых, личные имена существительные на *-арь* в семантическом отношении равнозначны лексемам на *-ар*, *-'ар*. Ср. волнар, стекляр, овчар, гончар, вратарь, чеботарь и другие.

Во-вторых, акцентологические особенности лексических образований на *-арь* полностью присущи и словам с твердым проявлением этого суффикса. Так, в отыменных дериватах на *-арь*, *-'ар* ударение всегда стоит на суффиксальной морфеме. Например: винарь, бочарь, бочечарь, весляр, гончар, гвоздарь, пударь, вратарь, гусарь, чреварь и многие другие. Что касается отглагольных образований, то для них постановка ударения является закономерной на корневой морфеме. Например: писарь, пекарь, пихарь (от пихать «толкать что-либо»), пахарь и др.

В-третьих, как показывают собранные лексические данные, некоторые слова на *-ар* в древнерусскую эпоху имели на конце *ь*, который позднее был утрачен. Ср. овчарь—овчар, бочарь—бочар. Употребление *ь* в аффиксальной части *-арь* обусловлено мягкостью конечного согласного словообразующей основы. Написание *-арь*, *-ар* после звука *ч* является чисто графическим фактом, так как звук [ч] является исконно мягким шипящим.

В-четвертых, словообразовательные связи и закономерности суффикса *-арь* полностью присущи словообразовательным связям и закономерностям суффикса *-ар*, *-'ар*.

Отсюда *-ар*, *-'ар* вслед за Г. Павским, А. И. Моисеевым²⁶ мы рассматриваем как фонетические варианты одной и той же суффиксальной морфемы *-арь*, имеющей не различные по генезису морфемы, как полагают К. Бругманн и И. И. Ковалик, а один и тот же латинский *-agi-us*.

Рассмотрим, какими семантическими и словообразовательными особенностями обладал латинский *-agi-us* в языке-источнике.

Как показали просмотр Латинско-русского словаря, составленного О. Петрученко (изд. 6. М., 1910), а также «Материалы для исторической грамматики латинского языка» М. Покровского²⁷, в латинском языке довольно большое распространение находят имена прилагательные, в основном образованные от имен существительных при помощи суффикса *-agi-us*. Например: *mīcāgi-us* «вкусшающий из жертвенной чаши» (где *mīca* «жертвенная чаша»), *pāvikulāgi-us* «корабельщик, хозяин транспортного судна» (где *pāvicula* «небольшое судно, лодка»), *mīliēgi-us* «любитель женщин» (где *mīliē* «женщина»), *stipendiāgi-us* «получающий плату» (где *stipendia* «плата, стипендия») и др. Основой для такой субстантивации, на наш взгляд, является семантическая окраска са-

²⁶ См. Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. СПб., 1850, стр. 159—160; А. И. Моисеев. К сопоставительному изучению славянских языков (Словообразование личных имен существительных в русском, польском и болгарском языках). В кн.: «Очерки по словообразованию и словоупотреблению». Л., 1965, стр. 90.

²⁷ См. М. Покровский. Материалы для исторической грамматики латинского языка. См. «Уч. зап. Императорского моск. ун-та». Отдел историко-филологический, 1899, вып. 25, стр. 84, 86.

мих имен прилагательных, определяющих лицо по отношению к роду его деятельности, выполняемому занятию. Исходя из приведенного материала, можно сделать вывод, что лат. *-arius* — это прежде всего суффиксальная морфема с семантикой действующего лица, которая в языке-источнике в основном вступала в морфематические связи с именами существительными. В создании отыменных профессиональных образований заключалась основная словообразовательная сила рассматриваемого элемента деривативного процесса в латинском языке.

То же отмечается и в период его заимствования древними германскими языками, и в частности древневерхненемецким. Как указывает М. Н. Арутюнян, «суффикс *-ari* на первых порах своего развития на германской почве... служит для обозначения представителя определенной профессии. Причем и здесь суффикс *-ari* первоначально выступает как именной суффикс»²⁸.

Реконструированный срез лексических образований на *-arь* праславянского языка-основы также в своем составе в основном содержит именные образования с указанием на профессию, род занятий.

Какова же судьба суффикса *-arь* в древнерусском языке?

Общепризнанно, что русский литературный язык сложился до принятия христианства Киевской Русью. Вслед за этим значительным историко-культурным событием на Русь последовал целый поток религиозной переводной литературы. В основной своей массе это были списки с южнославянских, болгарских текстов, которые являются не чем иным, как переводами со средневекового греческого языка. Старославянский (древнеболгарский) язык как язык переводов греческих книг рассматривают такие авторитетные отечественные слависты, как, например, А. Будилович, С. Булич, А. И. Соболевский и многие другие исследователи.

История возникновения собственно русских (древнерусских) лексических образований на *-arь* упирается в старославянский язык, в котором «скрещивались и сливались разные народно-языковые стихии славянского мира и отражались византийско-греческие и латинские воздействия»²⁹.

Латинский суффикс *-arius* был довольно широко распространен в греческом языке средневековья, многочисленные переводы с которого, а также личные контакты русских с греками способствовали проникновению слов на *-ариос* в старославянский язык, а из него и в древнерусский. Так, через посредство старославянского источника в древнерусский язык проникли такие слова на *-ариос*, оформленные на русской почве по модели имен на *-arь*, как трапезарь «церковный служитель» (где греч. *τραπέζαριος*), келарь «заведующий монастырским хозяйством» (где греч. *κελλάριος*),

²⁸ См. М. Н. Арутюнян. К истории суффиксов имен действующего лица *-ep* и *-eg* в немецком языке. Автореф. канд. дисс. М., 1950, стр. 10.

²⁹ В. В. Випоградов. Основные проблемы изучения образования.

пономарь «низший церковный чин» (где греч. *παρανομαριος*), нотари «нотариус» (где греч. *νοταριος*) и др.

Переводы с греческого, а также личные контакты вторично занесли лат. *-arius* на русскую почву. Произошло как бы второе заимствование славянами (теперь восточными) лат. *-arius*, но уже не через германское, а через греческое посредство. Именно с этого времени и начинается история формирования собственно русских личных имен существительных с суффиксом *-арь*, продуктивность которого особенно возрастает в русском литературном языке эпохи Московского государства.

Большое значение для утверждения суффикса *-арь* в древнерусском языке имели и заимствования из старославянского. Отталкиваясь от лексикографических данных, можно сказать, что в старославянском языке довольно широкое распространение имела словообразовательная модель имен на *-арь*. Например: десятчарь «платящий десятину» (Старч., 166), шидарь «насмешник» (Дьяч., 834), памятарь «напоминатель» (там же, 405), коурварь «любодей; блудник» (Старч., 533), медарь «виночерпий» (Вост., I, 210), вратарь (там же, 34), мукарь «мучитель» (там же, I, 244), вежарь «служитель в веже» (Вост., I, 77; Старч., 61), вертоградарь «садовник» (Старч., 64), градарь, употребляющееся в том же значении (Вост., I, 90), краварь «пастух крупного рогатого скота» (Вост., I, 181), козлицарь «пастух козлиц» (Вост., I, 175), заячарь «ловец зайцев» (там же, I, 89), златарь «мастер, занимающийся изготовлением вещей из золота» (там же, I, 140), другарь «друг, товарищ» (Старч., 185) и многие другие. Список производных основ на *-арь*, являющихся исконным продуктом словообразовательной системы старославянского языка, можно было бы продолжить и далее, но и из приведенного материала ясно, что словообразовательная модель имен на *-арь* была производительной в старославянском языке. Многие из приведенных дериватов были заимствованы и древнерусским языком, так как засвидетельствованы памятниками письменности церковнославянского языка древнерусского извода.

Список сокращений

- Вост. — А. Х. Востоков. Словарь церковнославянского языка, тт. I—II. СПб., 1858—1861.
Дьяч. — Г. Дьяченко. Полный церковнославянский словарь с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений. М., 1899.
Старч. — А. В. Старчевский. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию, Ф. Миклошичу, А. Х. Востокову, Я. И. Бердикиву, И. С. Кочетову. СПб., 1899.

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

Под редакцией
К. В. ГОРШКОВОЙ и А. Г. ШИРОКОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1973